

Л. Алексеев

Пьеса

Барахолка

1923

Леонид Алексеев

Барахолка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69200719

SelfPub; 2023

Аннотация

1995 год. Появление на типичном для середины девяностых рынке ядерного чемоданчика президента меняет судьбы людей, скатившихся с разных высот социальной лестницы.

Леонид Алексеев

Барахолка

Трагикомедия в одном действии

Аннотация: появление на типичном для середины девяностых рынке ядерного чемоданчика президента меняет судьбы людей, скатившихся с разных высот социальной лестницы.

Время действия: 1995 год.

Место действия: Москва, один из рынков «под крышей» криминальной группировки.

Действующие лица

Гордеев Анатолий Иванович – 52 года, инженер, бывший сотрудник «почтового ящика».

Заика Николай Арсеньевич – 48 лет, художник, бывший член Союза художников.

Ричина Нина Андреевна – 39 лет, продавщица, бывший преподаватель вуза.

Наумов Вадим Олегович – 25 лет, нувориш, работодатель Нины, её бывший студент, в своё время бросил учёбу.

Яхно Альберт Борисович, он же «Алик», он же «Махно» –

46 лет, директор рынка, криминальный авторитет.

Тимофей, он же «Моша» – неопределённого возраста, местный дурачок.

Макдон Закари – дипломатический работник посольства США.

Кабанидзе – следователь ФСБ, одноклассник Альберта.

Члены ОПГ Алика – два телохранителя Алика и молодой парень.

Посетители рынка, люди в милицейской форме – девушка и еще 3-4 человека.

Действие первое

1995 год. Лето. Рыночная площадь. В центре – павильон с надписью: «Дирекция» – резиденция АЛИКА, слева от него – палатка (дощатое строение) с надписью: «Мастерская», здесь работает АНАТОЛИЙ, ещё левее – двери в торце контейнера, здесь торгует картинами ЗАИКА, справа от Дирекции – магазинчик «Одежда», принадлежащий ВАДИМУ, где работает НИНА.

Дело к вечеру. Двери контейнера открыты. Заика делает набросок портрета Алика. Алик позирует. Рядом стоят его телохранителя. В мастерскую Анатолия очередь. Нина неспешно заносит манекены с улицы в магазин.

На протяжении всего действия фоном звучат шлягеры 1995-го года, как будто из палатки по продаже магнитофонных кассет. В начале слышна песня О. Митяева «Лето – это маленькая жизнь».

На заднем плане слышны выстрелы, визг тормозов и крики – рядом с рынком произошла перестрелка. Очередь у мастерской Анатолия разбегается. Нина приседает, прячась за манекен, и визжит. Заика ныряет в свой контей-

пер. Алик, чертыхаясь, выхватывает пистолет и убегает на звуки боя. Телохранители следуют за ним.

Анатолий успевает схватить девушку, стоявшую в очереди первой.

АНАТОЛИЙ. Стойте-стойте, вот ваш утюг!

ДЕВУШКА. Пустите! (Вырывается и убегает.)

ЗАИКА. (Выглядывает из-за двери контейнера.) Иваныч, а ты шалун, я погляжу.

Входит растрёпанный молодой ПАРЕНЬ с пистолетом и чемоданчиком-дипломатом чёрного цвета. Навстречу парню входит Алик с телохранителями.

АЛИК. Молодцы, быстро разрулили. Кто это был?

ПАРЕНЬ. Да мы даже не въехали. Шмальнул кто-то, ну мы и ответили. Ваще не наши тёрки, походу.

АЛИК. Волыну спрячь, ковбой, тут приличное место.

ПАРЕНЬ. (Прячет пистолет.) Алик, тут это вот, тебе Михась велел передать. (Протягивает Алику чемоданчик.)

АЛИК. (Опасливо.) Чего ещё? Что там?

ПАРЕНЬ. Морячка в такси зацепило. Ну, как бы, на-смерть. Знатный такой дядя, при погонах. Ну подрезали у него контейнер, не ментам же оставлять.

АЛИК. Труп где?

ПАРЕНЬ. Всё тип-топ: бомбилу из тачки выкинули, паспорт отобрали. Кенты отгонят и сожгут.

АЛИК. Так, а мне он за каким? Или там цимус какой?

ПАРЕНЬ. Не открывается. Хотели вспороть, но Михась заменжевался, сказал, неси, Махно разберётся.

АЛИК. А ну-ка, погодь. Иди сюда. (Подходит к мастерской Анатолия.) Иваныч, глянь контейнер

АНАТОЛИЙ. Заикин, что ли? А что с ним?

АЛИК. Портфель... Дипломат этот можешь открыть? (Парню.) Отдай ему!

Парень протягивает чемоданчик Анатолию.

АНАТОЛИЙ. Оставляй, посмотрию.

АЛИК. Ага, посмотри, но смотри. (Отдаёт Анатолию чемоданчик и грозит пальцем.) Сейчас я уйду, потом посмотришь. (Парню.) Свободен!

Парень уходит. Алик и телохранители скрываются в конторе. Анатолий вертит чемоданчик в руках.

ЗАИКА. Что, Иваныч, Махно тебе кошелёк доверил?

АНАТОЛИЙ. Станный сундук. Тяжёлый, но ничего в нём не гремит и вообще не двигается.

Анатолий возится с чемоданчиком на прилавке мастерской.

ЗАЙКА. Золото в слитках. Добавлю к портрету Алика. Они сейчас такое любят. Кого я только не писал. Генсеков, партийных бонз, директоров заводов, колхозников знатных и председателей. В колхозах вообще была лафа. И покормят, и напоят, и воздух... А там и до сеновала рукой подать. Какие я там пейзажи писал... Левитан с Шишкиным... Нет, ну, оценили бы. Барахло не увековечивали. А теперь – машины, дома, мебель. Без барахла уже нет личности. (Смотрит на чемоданчик.)

Иваныч, но может быть и взрывчатка.

Чемоданчик открывается, Анатолий заглядывает внутрь и поспешно захлопывает крышку. Заика отпрыгивает и замирает в полуприсяде.

Ого, ты чего, открыл уже?

Анатолий в замешательстве смотрит на Заика.

Ну? Что там?

АНАТОЛИЙ. Тебе, Заика, лучше не знать.

ЗАЙКА. Да ладно, Иваныч, любопытно же.

АНАТОЛИЙ. Любопытство – порок, Коля. Сам бы хотел не знать, что там.

ЗАЙКА. Чего мы тут, на рынке, не видели, Толя?

Входит Моша с удавом на шее.

Чур меня! Моша! Это же змея! Где ты её взял?

МОША. В зоомагазине дали поносить.

Моша садится на край сцены лицом в зал. Анатолий поднимает крышку кейса и показывает содержимое Заике.

ЗАИКА. Кнопки... А это что за экранчик? Видак, что ли?

Входит Кабанидзе. Моша подбегает к Анатолию, снимает с шеи змею и кладёт её на чемоданчик.

КАБАНИДЗЕ. Сумасшедший дом.

Из конторы выходит Алик.

АЛИК. Это вы мне звонили?

КАБАНИДЗЕ. (Показывает удостоверение.) Капитан ФСБ Кабанидзе.

АЛИК. ФСБ? А, переименовали же...

КАБАНИДЗЕ. Что, Махно, не признал?

АЛИК. Да как тебя, Кобанище, не узнать. Только как-то не вижу нас с тобой в сцене тёплой встречи одноклассников.

КАБАНИДЗЕ. Отойдём.

Кабанидзе и Алик отходят к краю сцены.

КАБАНИДЗЕ. Короче, Алик, чтоб ты знал: облаву не проводим, только чтобы не шуметь раньше времени. Но настает час...

АЛИК. Кобан, можно по существу?

КАБАНИДЗЕ. Будет тебе и по существу, если напростишься. Короче, есть наколочка, что у ворот твоего рынка убили флотского офицера. На бомбиле ехал. С чемоданчиком.

АЛИК. На бомбиле с чемоданчиком?

КАБАНИДЗЕ. Смешно тебе?

АЛИК. Пока да.

КАБАНИДЗЕ. Короче, Алик, ты среди бандитов и воров человек авторитетный...

Алик протягивает следователю руки.

Что?

АЛИК. Вяжи, раз я вор и бандит.

КАБАНИДЗЕ. Не, доказательств маловато, да и конторы ты пока дорогу не переходил. Но придёт час...

АЛИК. Тогда не чеши языком.

КАБАНИДЗЕ. Короче, дело серьёзное, даже тебе не по масти. Пощупай братву. Твои же в перестрелке всяко участвовали. А я в долгу не останусь. Мне дешевле тебя подкор-

мить, чем...

АЛИК. Чёт сладко ты запел. Нормально растолкуй расклад. «Короче, короче». Вот и давай – короче.

КАБАНИДЗЕ. Алик, короче, офицер этот непростой, президентский. Ходит за ним тенью.

АЛИК. Ещё короче!

КАБАНИДЗЕ. Президент наш... Ну, после тенниса, короче, уехал... Забыл офицера с чемоданчиком.

АЛИК. А коня с яйцами не забыл?

КАБАНИДЗЕ. Махно, ты тупой? Ядерный чемоданчик.

Алик смотрит на следователя испытующе и недоверчиво.

Осознал?

АЛИК. Да понял я, понял, Кабан, не дави. Пойдём вон лучше по мясному ряду прогуляемся, шашлыка тебе хорошего подгоним.

Алик и Кабанидзе уходят. Моша забирает змею и берёт чемоданчик за ручку.

ЗАИКА. Куда?!

Моша уходит. Нина подходит к Анатолию с ручной швейной машинкой.

НИНА. Не судьба нам с вами, Анатолий Иванович, сегодня поужинать. Ой, вы заняты, извините.

АНАТОЛИЙ. Судьба, Нина Андреевна, похоже, хочет сделать из нас героев анекдота.

ЗАИКА. Да, Нин, видак смотрим в Махновском портфеле.

Заика приоткрывает крышку чемоданчика, чтобы Нина увидела, что внутри.

НИНА. Как интересно. Надо же, какая техника! Правда, видеомагнитофон?

АНАТОЛИЙ. Ну, пусть так называется. (Заике.) Что ты лезешь, зачем ты ей показал?

НИНА. Нет-нет, Анатолий Иванович, не волнуйтесь, я ничего не видела. Хотела вас попросить, как будет минутка, посмотрите машинку. Трудозатраты компенсирую. Я её тут поставлю.

Нина ставит машинку у входа в мастерскую. Входит Алик и его телохранители. Нина прячется в мастерской Анатолия.

АЛИК. Иваныч, какие у нас шансы на победу?

АНАТОЛИЙ. У нас? Разные.

АЛИК. Открыл, нет?

ЗАИКА. О, глянь, какие видаки научились делать в чемоданах. Похоже, отечественный.

АНАТОЛИЙ. Да что ж ты всё впереди паровоза-то... Отечественнее не бывает.

Алик рассматривает содержимое чемоданчика. Чтобы лучше рассмотреть приподнимает его так, чтобы было видно из зала.

АЛИК. Что это за приبلуда?

АНАТОЛИЙ. Да чёрт его знает. Может, и видик, а может, и нет.

АЛИК. Экран не маловат? И куда кассету вставлять?

ЗАИКА. Надо ещё покопаться. Иваныч найдёт, куда вставить, это уж как земля за колхозом.

АЛИК. Землёй интересуешься, Заика? Ты закончил портрет Димы Мясоеда? Он ждёт не дожждётся. Нехорошо людей динамить.

ЗАИКА. Так он же...

АЛИК. Ладно, Иваныч, благодарю за службу. Точно не знаешь, что это?

АНАТОЛИЙ. (Недовольно.) Не знаю...

АЛИК. Ладно, разнюхаем.

Алик закрывает крышку чемоданчика и уходит с ним в

контору. Нина выходит из мастерской.

НИНА. Надо же, сам портфель понёс, даже своим башибузукам не доверил.

ЗАИКА. Ничего не понял. Диму Мясоеда убили полгода назад. Какой портрет он ждёт?

НИНА. Совсем люди свихнулись на барахле. А экран и правда какой-то слишком маленький, вам не кажется?

АНАТОЛИЙ. Кажется, кажется! И экран маленький, и кассету вставлять некуда. И вообще это никакой не видеомагнитофон... Провались он!..

ЗАИКА. Чего ж Махно над ним так трясётся, если сам не знает, что это?

НИНА. А что это, Анатолий, вы знаете?

АНАТОЛИЙ. Знаю, знаю. Только не знаю, к счастью или к сожалению.

ЗАИКА. Иваныч, не темни, скажи уже, что за диковина такая?

АНАТОЛИЙ. Да вы всё равно не поверите... Впрочем, вам придётся...

ЗАИКА. Жги, Иваныч.

АНАТОЛИЙ. Это ядерный чемоданчик.

ЗАИКА. Чего-чего? Ну хватит глумиться, Иваныч, скажи по чести, что за штуковина. Или ты сам не знаешь, только цену себе набиваешь?

АНАТОЛИЙ. Можешь не верить. Умрёшь неверующим.

ЗАИКА. Нет, откуда на рынке взяться ядерному чемоданчику?!

АНАТОЛИЙ. А ты пойдй спроси у Алика. Быстрее пойдёшь, быстрее отмучаешься.

ЗАИКА. То есть? Опять не понял...

АНАТОЛИЙ. Землю пойдёшь с колхозом делить, портрет Димы... этого... Мясоеда дописывать... С натуры.

НИНА. Неужели это прям тот чемоданчик, с которым президент ходит?

АНАТОЛИЙ. Президент или министр обороны. Еще начальник генерального штаба. Три таких чемоданчика на боевом дежурстве... Только не ходят они с ними. Ай... Пф...

НИНА. Так всё же, это к счастью или нет, что вы и мы теперь знаем?

АНАТОЛИЙ. Смотря что лучше: быть убитым, зная, за что, или просто... как овца... в неведении.

ЗАИКА. Что ты заладил, Иваныч! Убитым, отмучаешься...

АНАТОЛИЙ. Коль, таблицу умножения в Союзе художников не учат? Ты думаешь, Алику нужны свидетели?

ЗАИКА. Да ты, вообще, откуда знаешь-то?

АНАТОЛИЙ. Я же всю жизнь, считай, в почтовом ящике проработал, кое-что знаю...

Входит Вадим.

ВАДИМ. Всем приветы! Свидетели чего, перестрелки?

АНАТОЛИЙ. Ещё один!

НИНА. Вадим, ты зачем приехал? Я сама магазин закрою.

ВАДИМ. Услышал, что стреляли, и приехал. У входа площадь оцеплена, еле просочился.

АНАТОЛИЙ. Ещё бы ты не просочился...

ВАДИМ. Анатолий, что вы шипите на меня всё время, что я вам сделал?

АНАТОЛИЙ. Ни мне, никому другому, ты ничего не сделал и не сделаешь, а вот наделать делов – это и у тебя, и у тебе подобных ещё впереди.

ЗАЙКА. Ладно вам крыситься. Вадик, ты картины мои показывал? Помнишь, мы обещал?

ВАДИМ. Показывал, Николай Арсеньевич, человечку из американского посольства.

ЗАЙКА. Неплохо. И что он?

ВАДИМ. Хочет заехать посмотреть, так сказать, живьем.

НИНА. Товарищи, вы о чём говорите? Наши жизни под угрозой. (Вадиму.) Наумов, иди домой, без тебя справимся.

ВАДИМ. Нин, я, конечно, твой, только давно уже не студент, а работодатель, забыла?

НИНА. Помню я всё, Вадик, иди домой, не надо, чтобы тебя здесь Алик увидел, и знать тебе ничего не надо. Во многом знании – многая печали.

ВАДИМ. Вы чего тут накосячили, неандертальцы? Что-то с магазином? Товар цел?

АНАТОЛИЙ. Не та аудитория, чтобы Екклесиаста цитировать, Нина Андреевна.

ЗАЙКА. Слушай, Вадик, позвони этому своему, пусть приезжает прям сейчас или завтра утром.

ВАДИМ. Да погодите вы, Заика. Что случилось?

ЗАЙКА. Что-что! Махно где-то ядерный чемоданчик спёр. Вот что случилось. Иваныч открыл.

ВАДИМ. Открыл, что Махно спёр?

ЗАЙКА. Чемодан открыл.

ВАДИМ. Ага, то есть вскрыл. А мы тут каким боком?

ЗАЙКА. Мы с Ниной рядом стояли, Махно видел, что мы... тоже видели. А тебе говорили, мол, иди, пока не видели. Теперь ты тоже свидетель, а свидетели Алику не нужны.

НИНА. Что же нам делать? Давайте сообщим... Как правильно сейчас говорить? Куда следует.

АНАТОЛИЙ. А куда сейчас следует? Сами попадём под подозрение. Да и разбираться долго не будут – им огласка тоже не нужна.

НИНА. Что же, выхода нет?

ВАДИМ. Если нет бесплатного выхода, можно поискать платный.

АНАТОЛИЙ. Лучше ищите платный вход. Вход в другую жизнь. Бегите. Поменяйте документы, внешность... Если знаете, как это делается.

ЗАЙКА. Бегство – это романтично. Чувствую себя песчинкой на дне. Думал, что иду вверх или даже ввысь. Эк-

замены, всякие вступления-поступления, приёмы-награждения. А оказывается, просеивался сквозь сита. Падал, падал, падал... Исключения, лишения, выселения, заклеявания... И теперь вот – бежать! Только куда? Меня ж Алик подсадил всю российскую братву писать. Мне кто только не заказывал портретов. А памятников на могилах сколько я по всей стране оформил. Куда ни приеду, меня ж узнают и сдадут. Кто я для них? Мордомаз. За границу уехать разве что. Да кому я там нужен?

ВАДИМ. Валить надо по-любому. Пока корабль не потонул, надо на другой запрыгнуть. Вот Заикины картины толкнём и тягу. На новом месте главное зацепиться за связи, а там уж бабки сами пойдут.

НИНА. У меня сын в Чечне воюет. Только если ближе к нему перебраться. Да не умею я. Останусь голая на дороге. Если побегу, то с вами только, Анатолий Иванович. Мне с вами надёжно как-то и тепло. Извините...

АНАТОЛИЙ. Бежать можно с Родины, но от Родины не убежишь. Ты живой, пока у тебя есть за что умереть. Сейчас у нас ничего не осталось, кроме Родины. Отступление – это тактический манёвр, а бегство – это предательство. Я не раз предавал в этой жизни, но сейчас я остаюсь и не дам ни Алику, ни кому другому нагадить.

НИНА. Тогда и я остаюсь.

ЗАИКА. Да и мне пока придётся.

НИНА. Но раз уж мы не бежим, давайте позвоним «куда

следует» анонимно.

ЗАИКА. У тебя есть номер?

АНАТОЛИЙ. Можно просто в милицию позвонить. Правда, вряд ли они в курсе, но на Алика должны среагировать.

ВАДИМ. (Нине.) Ты иди звони, а я пойду в контору загляну по-тихому.

НИНА. (Вадиму.) Меня, если вдруг, по голосу легко узнать, а у тебя голос серенький, таких тысячи...

ВАДИМ. Чего? Тебе ещё и голос мой не нравится? Да у меня тенор – ещё поискать.

ЗАИКА. Вот-вот, пусть его подольше и поищут, твой тенор. Нина дело говорит.

ВАДИМ. Ладно, давайте номер.

ЗАИКА. Это пожалуйста. Ноль-два. Из любого автомата бесплатно.

Нина подкрадывается к конторе. Вадим уходит. Звучит сирена, входят люди в милицейской форме. Нина возвращается к мастерской Анатолия. В конторе слышны звуки обыска. Из конторы выводят Алика и его телохранителей. Контору опечатывают. Люди в милицейской форме и арестованные уходят. Входит Вадим.

ВАДИМ. Не так уж и сложно. Мне даже понравилось. Возьму на вооружение этот способ.

ЗАИКА. Не привыкай стучать – дятлом станешь.

НИНА. Быстро они...

АНАТОЛИЙ. Боюсь только, теперь нам тем более надо бежать. Правда, теперь у нас чуть больше времени. Пока герои Заикиных портретов не разнюхали что к чему.

Входит Моша в обнимку с чемоданчиком.

ЗАИКА. Иваныч, у Тимоши в руках то, что я думаю, или просто похож? Совпадение, правда?

НИНА. Тимошенька, где ты взял этот портфель?

МОША. В конторе дали поносить.

АНАТОЛИЙ. Молодец, Моша! (Забирает у Моши чемоданчик.) Иди!

ВАДИМ. Так это и есть?.. Вот ты, значит, какой, дедушка Ленин.

ЗАИКА. Это что же выходит?..

АНАТОЛИЙ. Выходит, что мы и Алика сдали, и ядерный чемоданчик украли.

НИНА. Господи, помилуй!

АНАТОЛИЙ. Вовремя вспомнили, Нина Андреевна. Теперь все против нас, только на Бога и надежда.

МОША. Не надейтесь на князи, на сыны человеческия...

ВАДИМ. Моша, брысь!

Моша уходит.

ЗАИКА. Да пропади пропадом этот сундук с клопами! Не было печали – черти накачали! Вечно какой-нибудь идиот все карты спутает! Давайте его выбросим, а?

НИНА. А если что случится, а чемоданчика нет, что тогда?

АНАТОЛИЙ. Хватит и двух чемоданчиков.

НИНА. А если найдёт кто-нибудь?

АНАТОЛИЙ. Можно в реке утопить.

ЗАИКА. И как утопленник решит вопрос с Аликом?

АНАТОЛИЙ. Никак. Это Алик решает вопросы с утопленниками.

ВАДИМ. Я отбегу на минуту, третью мировую без меня не начинайте.

Вадим уходит.

НИНА. Мы должны сдать его на Лубянку.

ЗАИКА. Вадика?

НИНА. Чемоданчик. Это наш гражданский долг.

ЗАИКА. Ой, ладно. Мы граждане-то всего четыре года – не успели ещё долгов наделать. И какие долги? Сейчас всё просто: Родина нас не добивает, а мы ей за это приплачиваем.

АНАТОЛИЙ. Видимо, пришло время.

ЗАИКА. Какое?

АНАТОЛИЙ. Добить.

ЗАИКА. Тогда я и налоги не заплачу в этом году.

АНАТОЛИЙ. Интересно, ты в декларацию вносишь братков каждого по отдельности?

ЗАИКА. Изобразительные услуги гражданам.

НИНА. Гражданам с низким гражданским долгом.

АНАТОЛИЙ. Слушайте, а ведь и правда... По отдельности.

ЗАИКА. Иваныч, что ты встречаешь не в своё дело? Какая тебе разница, по отдельности я пишу или в совокупности.

АНАТОЛИЙ. Да-да, Коль, пиши, как хочешь. Но я же могу сам, один, отдельно от вас отнести чемоданчик на Лубянку. У вас же проблема только с Аликом. Спрячетесь ненадолго. На чемодане же полно его отпечатков. Просто так не отвертится. А там, глядишь, всё поменяется...

ЗАИКА. Опять поменяется!

НИНА. Да уж, хочется к чему-нибудь уже привыкнуть.

ЗАИКА. Иваныч, гениально! Что ж ты сразу не сообразил пойти?.. Ну... В большую контору. Но на чемоданчике и моих отпечатков хватает. И Мошиных. Но его-то ладно, а мои давай сотрём.

Заика кидается к чемоданчику с носовым платком.

АНАТОЛИЙ. Коля, да не лезь ты со своими соплями. Не бойся, кроме Алика никто не скажет, что ты знал про содержимое чемоданчика. А так, понятно же, в мастерскую ты ко

мне заходил, вещи трогал разные.

Анатолий идёт к контейнеру Заики, берёт одну из картин и ломает у неё раму.

Вот, раму приносил чинить.

ЗАИКА. Иваныч, ё-моё! Это же недописанный Дима Мя-соед.

АНАТОЛИЙ. Да? Ну давай другую возьмём.

ЗАИКА. Нет-нет-нет-нет! Хватит! Пусть Дима будет!

Входит Вадим.

ВАДИМ. Пусть всегда будет Дима...

НИНА. Анатолий Иванович, я вас одного не отпущу. Я тоже пойду.

АНАТОЛИЙ. А смысл?

НИНА. Смыслы остались в прошлом. Смысл – это знания, разум, резон. Сейчас остались только чувства. Но это и к лучшему. Чувства сгорают, а осознание сводит с ума.

АНАТОЛИЙ. Нет, Ниночка Андреевна, поверьте, лучше вам остаться...

ВАДИМ. На свободе. Передачи носить.

НИНА. Наумов, как тебе не стыдно?

ВАДИМ. Стыдно было у тебя на парах сидеть...

АНАТОЛИЙ. Нина Андреевна, нахал, но он прав.

ВАДИМ. Конечно, прав. Я позвонил Макдону, сейчас он подъедет, и мы обо всём договоримся.

ЗАИКА. Кому ты позвонил?

ВАДИМ. Закари Макдон. Тот самый, из американского посольства.

ЗАИКА. А, да ты что! За картинами приедет?

ВАДИМ. Я намекнул ему, что картины – это фантик, а в нём будет шоколадка.

ЗАИКА. Какой же ты хам, Вадик! Мелкий наглец! Фантик!

ВАДИМ. Мелкий не мелкий, а магазин с продавщицей только у меня.

НИНА. Наумов, ты рабовладелец! А я свободная, я кандидат лингвистических наук! Хочу – работаю на тебя, не хочу – не работаю.

ВАДИМ. Да пофиг. Магазин с кандидатом глистических наук – ещё круче.

АНАТОЛИЙ. И что же за шоколадку ты собрался завернуть в Заикины картины?

ВАДИМ. Опа! Стояночный тормоз системы Иваныча.

НИНА. Наумов, тормозом, я помню, тебя звали сокурсники.

ВАДИМ. Ой, и где они теперь, так разогнались, что улетели?

НИНА. Ну, вылетел-то как раз ты.

ВАДИМ. Я не вылетел, я – катапультировался. Вовремя!

ЗАЙКА. Кончай балаган, балабол! Ответь нормально хоть раз в жизни.

ВАДИМ. (Напевает.) Жиган-лимон, балаган-балабол. (Перестаёт петь.) Чемоданчик, ясный перец!

АНАТОЛИЙ. Ты с коня не падал, малой?

ВАДИМ. А что такое?

НИНА. Наумов, ты же Родину продаёшь!

ВАДИМ. Нин, по-твоему, я родился в чемодане? Впрочем, звучит метафорично. Точно! Из него-то я и катапультировался.

ЗАЙКА. Нет, правда, зачем выкидывать, отдавать? Продадим. И знать не знали, был ли этот чемоданчик.

НИНА. Николай, вы же интеллигентный человек!

ЗАЙКА. Вот именно! Теперь точно интеллигентный! Потому что у интеллигентного человека обязательно есть план отступления.

АНАТОЛИЙ. Извините, товарищи, но я не дам вам продать чемоданчик. Тем более какому-то американскому макдону.

Вадим достаёт травмат.

Убери пукалку, не позорься.

Вадим стреляет в одну из картин Заики.

ЗАЙКА. Твою ж... Вадик! Это же Даник Чехарда! Алик меня убьёт!

АНАТОЛИЙ. Да нет, не волнуйся за Алика. Тебя, похоже, Вадик шлёпнет.

Входит Макдон.

МАКДОН. Вадым?

ВАДИМ. Хай, Зак! Кам хиа!

АНАТОЛИЙ. Зэк-макдон... Трудновато ему придётся на просторах Марий Эл.

МАКДОН. (Все́м.) Добры вэчэр! (Зайке.) Знаю вас. Артист Зайка. Очэн рат!

АНАТОЛИЙ. Зайка-артист... Тоже прозвище подходящая.

МАКДОН. Про что?

ЗАЙКА. Бонжур, бонжур! Проходить смотреть картины.

МАКДОН. Вадым, это пистолэт? Ви говорить важный шоколад.

ВАДИМ. Целый чемодан шоколада. Иваныч, открывай!

АНАТОЛИЙ. Да щаз. Тебе надо, сам и открывай.

Вадим наводит пистолет на Анатолия.

ВАДИМ. Быстро открыл!

НИНА. (Загораживает собой Анатолия.) Наумов, ты пе-

реходишь границы!

Фоном звучит песня группы «Агата Кристи» «Чёрная луна»: «Я же своей рукою сердце твое прикрою...»

АНАТОЛИЙ. (Меняется с Ниной местами.) Стреляй давай!

ВАДИМ. Границы нынче открыты.

Чемодан издаёт тревожные звуки.

МАКДОН. Дэн'ит!

ЗАИКА. Иваныч, ну сделай уже что-нибудь! Заткни его!

Анатолий открывает чемоданчик. Звук смолкает. Виден моргающий переливающийся свет. Макдон заглядывает в чемоданчик.

МАКДОН. Джизес Крайст! Футбол! Рашн футбол! Вадым, я дать вам любой дэньги. Всем летэть Амэрика.

ЗАИКА. Вот уж не думал, что начну зарабатывать на русском футболе.

ВАДИМ. Зак, это ядерный чемоданчик. Ты чего? Или ты решил нас отфутболить?

МАКДОН. Та, та, Блэк Бэг, Зэ батон... Кнопка... Президентс эмэдженси сэтчел... Сумка чрезвычайных ситуаций.

Мы называт «футбол». Вадым, вы меня шутыть?

АНАТОЛИЙ. Похоже, шутки кончились.

Звонит мобильный Макдона. Он достаёт аппарат и вытягивает антенну.

МАКДОН. Йес! (Слушает.) Йес! Андэстуд! (Убирает мобильный.) Норвэй запускать ракета для погода изучать. Они предупредить, но в Россия сработать аларм.

АНАТОЛИЙ. Ага, ещё и чемоданчик пропал как нельзя кстати...

ЗАИКА. И что? Я успею спрятать картины?

АНАТОЛИЙ. Если успеешь за десять закопаться с ними метров на двести.

ЗАИКА. Десять минут и всё?

ВАДИМ. Зак, ну что,купаешь?

МАКДОН. Зачем? Мне надо быстро посолство.

Входит Моша.

МОША. (Показывает на чемоданчик.) Светомузыка.

ВАДИМ. Только ещё одного дебила не хватало.

НИНА. Наумов! Как бы тебя совсем с планеты катапультировать?! Тимошенька, пойдём, я тебе что покажу. (Уводит Мошу в мастерскую Анатолия.)

ВАДИМ. Прекрасная мысль! Выживает тот, кто вовремя

катапультируется. Пока пробки на выезде не начались.

Вадим уходит. Анатолий закрывает чемоданчик и относит его в мастерскую.

ЗАЙКА. Слушай, Макдак, может, глянешь картины побыстрому?

МАКДОН. Я – Макдон, Макдак – это утка. Нет смысл, это мусор.

ЗАЙКА. Мусор! Ах ты, макдон зэковский. Я тебе тоже, знаешь, не зайка.

Зайка бьёт Макдона в лицо. Тот падает, из его кармана выпадает мобильник.

МАКДОН. Я хотеть говорить «уже пепел». (Встаёт.) Ай гота гет хоум.

Входит Алик с телохранителями. Один из них толкает Макдона назад.

АЛИК. Что, фраера?! Сдали меня? Босота! (Подельникам.) Давай их в контейнер этого мордомаза.

МАКДОН. Я гражданин Амэрика.

АЛИК. А я гражданин Яхно, приятно познакомиться.

ЗАЙКА. Алик, Алик, это не я! Не мы! Это Вадик! Вадик,

он всё. Я им говорил, а он пошёл и позвонил. Алик, я Диму Мясоеда нашёл.

АЛИК. Сейчас с ним познакомишься.

ЗАИКА. Алик, я же простой художник, зачем меня убивать!

АЛИК. Художник – это уважаемая воровская профессия.

МАКДОН. Сейчас прилететь ракеты. Надо спасайся быстро.

АЛИК. Прилетят. Обязательно.

Подельники Алика выволакивают из мастерской Нину.

НИНА. Пустите, фашисты!

АНАТОЛИЙ. Оставьте женщину! (Обнимает Нину.) Ниночка, не бойся!

Их обоих, Заику и Макдона, загоняют в контейнер Заики. Алик с подельниками достают пистолеты и расстреливают всех в контейнере. Закрывают двери контейнера, и он исчезает в темноте. Слышны звуки погрузки контейнера и рёв двигателя отъезжающего грузовика. Наступает тишина. Один из подельников Алика выносит из мастерской Анатолия чемоданчик.

АЛИК. (Поднимает мобильник.) Ты гля, то непруха, а то прям всё в струю. Полторы штуки баков валяется.

Алик вытягивает антенну и набирает номер.

Алло, Кабан? Приезжай, нашёл я твой сундучок со сказками.

Захлопывает мобильник. Фоном звучит песня Михаила Круга «Жиган-лимон».

Нет, правда, всегда же можно договориться. Что мы не люди? Всегда друг друга поймём. Ты мне, я – тебе, так и построим светлое жирное будущее. Объяснили по-человечески. Что тут непонятного?! Родину продавать не по понятиям.

Входит Кабанидзе.

КАБАНИДЗЕ. Так, короче, где он?

АЛИК. На вот. Открывай и бахай.

КАБАНИДЗЕ. Вот так бы сразу. Держи.

Кабанидзе укладывает чемоданчик на руки Алику, достают ключ и открывают крышку.

КАБАНИДЗЕ. Это ещё что?

Алик неловко перехватывает чемоданчик, на пол и на ноги Алику и Кабанидзе падают кирпичи. Алик бросает чемоданчик. Алик и Кабанидзе прыгают от боли и чертыхаются.

АЛИК. Вот и бахнул, падла.

Входит Моша. Он держит за провода электронные «внутренности» чемоданчика.

МОША. Взял поносить.

Звучит песня «Как упоительны в России вечера...» группы Белый орёл.

Занавес.